

убеждений и философского идеализма его собственных воззрений и взглядов членов его кружка, на основе антропологизма вызывало их интерес и симпатии к младогегельянству, Фейербаху, а после смерти Станкевича — у членов его кружка и формирование материалистических убеждений.

А. З. ДМИТРОВСКИЙ

БЕЛИНСКИЙ И КАНТ

Тема «Белинский и Кант», по-видимому, не подвергалась специальному рассмотрению. В работах В. И. Степанова, А. Л. Хайкина, Н. А. Гуляева¹, посвященных проблемам философии, социологии, этики и эстетики Белинского, встречаются упоминания философии Канта, но они имеют слишком общий характер, а главное, они используются только для противопоставления Белинского Канту без учета преемственности и без анализа взглядов самого Белинского касательно философии Канта. Между тем именно эта сторона дела представляет особый интерес.

Вызывают решительное возражение комментарии к статье Белинского «Руководство к всеобщей истории» (1842), помещенные в 6-м томе его полного собрания сочинений (М., 1955), которые утверждают, что с начала 40-х годов Белинский «подвергает жестокой критике эстетические воззрения Канта и Гегеля, которые, — по мнению авторов комментариев, — полагали, что искусство должно быть совершенно независимым от всех других стремлений человека, кроме стремления к прекрасному» (VI, 722)².

Но в действительности в комментируемой статье Белинского говорится, что содержание «исторического», т. е. реалистического, направления искусства есть «*общее*»³, в идеальном и возвышенном значении слова» (VI, 91), в чем прослеживается как раз преемственная линия от Канта и Гегеля, а не борьба с ними. Следует также иметь в виду, что критический пафос названной статьи Белинского был направлен против разного рода эпигонов романтизма, сторонников «чистого искусства» и примитивных эмпириков от искусства (это признается и авторами комментариев), которые если и обращались к названным именам, то только всуе.

Правда, в другой рецензии того же 1842 г. «Краткое руководство к познанию изящных искусств» Белинский писал в адрес Лессинга, Канта, Гумбольдта, что «сочинения и теории этих глубокомысленных густелей поступили в наше время в исторический архив науки об изящном» (V, 616). Но, во-первых, Белинский здесь же называет Канта «значительнейшим» из всех мыслителей, упоминаемых в рецензируемом издании (автор

В. Лангер). Во-вторых, называя Лессинга и Канта исторически прошедшим этапом эстетики, Белинский в качестве ее нового этапа называет последующее развитие немецкой классической эстетики, представленное Шиллером, Шеллингом и Гегелем. И в-третьих, что особенно важно, критик как раз упрекал рекомендуемое издание в том, что «в нем нет и тени идей, принадлежащих писателям, о которых он упоминает (Кант в их числе. — А. Д.)» (V, 616). Следовательно, и здесь нет борьбы против Канта, а есть правильное понимание его диалектического снятия в последующих эстетических системах.

По сравнению с другими западноевропейскими мыслителями, постоянно находившимися в поле зрения Белинского, его обращение к Канту занимает более скромное место, причем, как правило, оно осуществлялось лишь в ряду с другими немецкими философами. Тем не менее прямое обращение Белинского к Канту зафиксировано в его 18 статьях и 4 письмах. Это делает возможным составить целостное представление о взглядах Белинского на историческую роль и современное значение философии Канта и его эстетики.

Представляют интерес те источники, которыми мог пользоваться Белинский в своих суждениях о Канте. В те времена обращение русских мыслителей к первоисточникам Канта было делом нелегким. На русском языке издано лишь незначительное число работ, причем некоторые из них в извлечениях или пересказе⁴. Статьи, трактат «О высоком и прекрасном», изданный на русском языке в 1804 г. под названием «Наблюдения об ощущении прекрасного и возвышенного в рассуждении природы человека вообще и характеров народных особенно», — это единственное произведение Канта, упоминаемое Белинским непосредственно (см. IV, 22).

Но тем большее значение приобретали вторичные источники, из которых великий критик мог черпать сведения о философии Канта. Это были лекции университетских профессоров, беседы в кружках передовой молодежи, где были люди, знакомые с работами Канта по немецким изданиям, и, наконец, это различные русские издания, излагавшие философию Канта или содержавшие ссылки на отдельные ее положения.

Есть все основания полагать, что одним из первых источников представлений Белинского о Канте были статьи и лекции профессора Н. И. Надеждина, который в 1832 г., т. е. в последний год пребывания Белинского в университете, читал курс эстетики и теории искусства. Действительно, в статьях «Литературные опасения за будущий год» (1828) и «Все сестрам по серьгам» (1829) Н. И. Надеждин достаточно широко обращался к философско-эстетическим взглядам Канта, а его работа над статьей «Всеобщее начертание теории изящных искусств Бахмана», также отмеченной кантовскими реминисценциями, по времени совпала с чтением названного курса лекций.

Другим источником кантовской информации для Белинского наверняка были беседы с Н. В. Станкевичем в его знаменитом кружке. Как это следует из писем Н. В. Станкевича, время его активных занятий философией Канта относится к 1835—1837 гг.⁵, что совпадает с временем участия Белинского в деятельности его кружка.

Философия Канта могла быть также предметом бесед Белинского с М. А. Бакуниным во время их совместного пребывания в Прямухине в августе—сентябре 1836 г. Подтверждением этого можно считать письмо Белинского к М. А. Бакунину от 13—15 августа 1838 г., где, вспоминая их прямухинские беседы, критик называет имена Фихте и Канта (см. XI, 271—272). А в письме к Д. П. Иванову от 7 августа 1837 г. он указывает на М. А. Бакунина как на возможный для адресата источник знакомства с немецкой философией и в том числе с Кантом (см. XI, 147).

В той или иной степени Белинский знал, конечно, все русские издания, содержащие сведения о философии Канта, к тому же некоторые из них он рецензировал. К последним принадлежали: работа К. Зеленского «Опыт исследования некоторых теоретических вопросов» (М., 1835); статья «Хроника русского в Париже», опубликованная в «Современнике» (1838, т. 9, № 1); уже упомянутая работа В. Лангера «Краткое руководство к познанию изящных искусств, основанных на рисунке» (Спб., 1841); книги А. П. Татаринова «Руководство к познанию теоретической материальной философии» (Спб., 1844) и А. Галича «Лексикон философских предметов» (Спб., 1845, т. 1).

Достоверно известно также, что Белинский знал характеристику философии Канта, содержащуюся в статье Вилльма «Опыт о философии Гегеля», переведенной с немецкого языка Н. В. Станкевичем и опубликованной в «Телескопе», в №№ 13—15 за 1835 г., как раз в то время, когда в отсутствие главного редактора Н. И. Надеждина фактическим руководителем журнала был он сам. Уже высказывалось основательное предположение, что эта статья была в поле зрения Белинского во время его споров с М. А. Бакуниным в Прямухине⁶.

К тем работам русских авторов, содержащим краткие или развернутые изложения различных положений философии Канта, которые выходили в первой половине XIX в. и которые уже учтены в современной науке, следует добавить еще книгу С. П. Шевырева «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (М., 1836), которая также не могла не быть известной Белинскому.

Особенно важно отметить, что Белинский знал взгляды Герцена на философию Канта, отразившиеся в его статьях «Дилетантизм в науке», опубликованных в 1843 г. и заслуживших самую высокую оценку критика, а также аналогичные взгляды

Герцена в «Письмах об изучении природы», опубликованных в 1845—1846 гг.

Можно проследить определенный рост внимания и интереса Белинского к философии Канта на протяжении 1830—1840-х годов. В статьях и рецензиях 1835—1838 гг. «Стихотворения А. Коптева», «Опыт исследования некоторых теоретических вопросов», «Литературная хроника», «Краткая история Франции» упоминание имени Канта выступает лишь в частных связях, еще не раскрывающих отношение критика к его философии. Но с 1839 г. обращение Белинского к Канту начинает связываться с решением важнейших теоретических задач. Так, в статье «Русские журналы» Белинский обращается к Канту в связи с обоснованием философского характера литературно-критического исследования. Отмечая, что «в Германии критика развивалась исторически», Белинский справедливо утверждал, что в немецкой критике сказывалось «влияние и Канта, и Шеллинга, и Гегеля» (III, 170); и в этой философской оснащенности немецкой критики Белинский видел залог ее непреходящего значения.

Но особенно существенное значение приобретает обращение Белинского к Канту в статье «Горе от ума», создававшейся в 1839—1840 гг. и явившейся последним свидетельством его временного «примирения с действительностью» и одновременно началом отхода от него. Выступая противником всякого рода бесплодной романтической мечтательности и защищая действительность в качестве единственного предмета искусства, Белинский выступал провозвестником реалистического метода в литературе и материалистического мышления в философии. «*Действительность*, — писал он, — вот пароль и лозунг нашего века, действительность во всем — и в верованиях, и в науке, и в искусстве, и в жизни» (III, 432).

Характеризуя умственное движение своей эпохи в преодолении мечтательного безжизненного романтизма, Белинский называет Канта в числе тех первых умов, которые обозначили собою критическое отношение к действительности и одновременно взгляд на действительность как на универсальный предмет искусства. «Он, — писал Белинский о своем веке, — выдержал рассудочный критицизм Канта» (III, 432).

Значительное количество высказываний Белинского о Канте имеет историко-философский характер и посвящено определению его места в развитии немецкой классической и мировой философии. Относясь с большим вниманием к немецкой классической философии, критик еще в 1839 г. писал с величайшим одушевлением: «Какая чудовищно огромная сила рассудка видна в немцах Канте и Гегеле» (III, 222). И позднее, в 40-х годах, перейдя на позиции философского материализма, Белинский снова обращается к знаменитому ряду немецкой классической философии: Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, — отмечая в этой

связи то, «какой великий шаг сделало в Германии мышление» (VIII, 317—318).

Полностью сохраняет свое значение мысль Белинского о Канте как об основоположнике новой философии и о законах познавательной деятельности как о главном предмете его философии. «Кант, отец новейшей философии, — писал он, — был довершителем этого первого труда мышления, предмет которого — само мышление, а действующая сила — разум» (VII, 49). Переломным характером в истории философии объяснял Белинский индивидуальные особенности философии Канта. Пользуясь в этом случае средствами метафорической образности, он писал о философии Канта: «Отсюда ее аскетизм, ее холодный и сухой характер, ее суровое одиночество» (VII, 49).

В статье Белинского «Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений» (1844) имя Канта оказывается в несколько неожиданном ряду: Боссюэ, Вико, Кант, Шлёцер, Гердер. Однако при всей несоизмеримости масштабов и несовместимости характера философско-исторических концепций этих мыслителей Белинский проводил здесь мысль о формировании философии истории как науки, о развитии монистического взгляда на исторический процесс, об умении «подводить все исторические события под одну точку зрения, искать в них одной идеи» (VIII, 280). И этот взгляд Белинского на Канта как участника формирования философии истории себя оправдывает.

В статьях 40-х годов Белинский писал об исторической целостности немецкой классической философии и вместе с тем о противоречивом характере преемственности систем Канта и его последователей, о диалектическом снятии каждой из предшествующих систем в последующей. К этим положениям Белинский обратился в статьях «Сочинения князя В. Ф. Одоевского» и в рецензии «Руководство к познанию теоретической и материальной философии» (обе 1844 г.). «Кант и Фихте, — писал Белинский, — должны были увидеть в Шеллинге свой конец, но не потому, чтоб он доказал бесплодность их труда, а потому, что все сделанное ими послужило основанием для его труда, или вошло в его труд как плодотворный элемент» (VIII, 318). А в «Руководстве к познанию...», особо акцентируя мысль об исторической целостности немецкой классической философии и об основополагающей роли в ней Канта, Белинский писал: «Кант первый положил прочные начала новейшей философии и дал ей наукообразную форму, Фихте своим учением выразил второй момент развития философии: действуя независимо от Канта и даже став в полемическое к нему отношение, он тем не менее был только продолжателем начатого Кантом дела. Шеллинг и Гегель — представители дальнейшего движения философии» (VIII, 502).

В ряду философско-исторических представлений Белинского находится также его научно-методическая рекомендация к изучению немецкой идеалистической философии. «Для того, чтобы понимать Гегеля, — писал критик, — нужно познакомиться с Кантом, Фихте и даже Шеллингом» (XI, 147).

Высказывания Белинского о Канте свидетельствуют о том, что он был склонен оценивать его философию и, главным образом, этику, ставя ее в связь с завершающим этапом целой исторической стадии, характеризовавшейся господством над человеком внешней необходимостью при отсутствии его свободы. Переход человечества в новое историческое существование мыслился Белинским в гармоническом единстве свободы и необходимости. «Самая свобода, — писал он, — есть не произвол, но согласие с законами необходимости» (XI, 219), что звучит как точная цитата из Канта.

Проецируя морально-этическую историю человечества на состояние отдельной человеческой личности, Белинский принимает кантовский нравственный закон, но не в его универсальном значении, а лишь в качестве одной стороны духовной жизни человека, другой стороной которой должно быть, по его мысли, состояние счастья в условиях свободы. «Прекрасная душа, — пишет он, — живет минутами, и когда она бывает вне своих прекрасных минут, ее может спасти и поддерживать только чувство долга. Горькая истина! Но если и в жизни человечества был такой огромный и продолжительный период долга, которого последним выражением был Кант и от которого эмансипировал человечество первый Фихте, то и в жизни человека он необходим» (XI, 220).

Явным преодолением ригоризма кантовской этики звучат также следующие слова Белинского: «Я понимаю долг, как необходимый переход, как неизбежную степень сознания, но не как абсолютную истину, и знаю, что конкретная жизнь только в блаженстве абсолютного знания и что человек — сам себе цель» (XI, 220). Здесь гуманистическое положение Белинского о человеке, являющемся целью самому себе, несомненно, идет от Канта. Следовательно, принимая гуманистическую кантовскую концепцию человека, Белинский вместе с тем преодолевал ее абстрактность и приближался к историческому учению о человеке.

Мы отметили, что целостные оценки Белинским философии Канта восходят только к 1839 г. Но углубленный интерес критика к отдельным сторонам кантовской философии сказался значительно раньше. Ряд его статей 1836—1838 гг. свидетельствует о большом внимании в эти годы к вопросам гносеологии, причем в своих представлениях о человеческом сознании как системе он явно учитывал достижения философии Канта, хотя и не называл его имени. Подтверждением этому является также использование критиком соответствующей терминологи-

гии Канта. Так, в статье «Опыт системы нравственной философии», написанной в сентябре 1836 г. в Прямухине, он отмечал, разделяя эмпирическое и рациональное познание: «Есть два способа исследования истины: *à priori* и *à posteriori*, то есть из чистого разума и из опыта» (II, 239).

В этой связи, полностью разделяя идею логического *a priori* в теории познания, идущую от Канта, критик писал, что только «младенческий ум берет всегда за основной закон своего умозрения не идею, в нем самом лежащую, а какое-нибудь явление природы и, следовательно, выводит идеи из фактов, а не факты из идей» (II, 239).

Далее. Обращаясь в одной из своих рецензий 1838 г. к проблемам гносеологии, Белинский писал: «В человеке две силы познания: рассудок и разум: конечность есть сфера рассудка, бесконечное понятно только для разума. Разум в человеке предполагает и рассудок, но рассудок не обуславливает собою разума» (II, 369). Развивая там же эту мысль, Белинский доказывал, что разум «переходит в определенные понятия», что он выговаривает словом то, что «не подлежит чувственному созерцанию», что сфера рассудка — неподвижность, а разума — движение.

Источник этих положений, восходящий к «Критике чистого разума» Канта, несомненен. Ясно и то, что в представлениях о диалектике конечного и бесконечного у Белинского отразилась терминология Шеллинга. И еще более значимо то, что теория познания Белинского, вобравшая в себя опыт немецкой классической философии, приобретает революционно-демократическую направленность, имеющую целью решение социальных задач.

Белинский не только наследовал Канту в решении гносеологических, этических и эстетических задач, но и активно преодолевал его. В качестве примера скрытой полемики с этикой Канта можно привести взгляды Белинского, касающиеся истоков нравственности. Критикуя абстрактность кантовской этики, причем даже заметно преувеличивая эту абстрактность, Белинский писал, что «теоретическая нравственность, открывающаяся в одних системах и словах, но не говорящая за себя как *дело*, как *факт*, выходящая только из созерцаний ума, но не имеющая глубоких корней в почве сердца, — такая нравственность стоит безнравственности и должна называться китайскою или фари-сейскою» (VII, 392).

Выступая против чисто рационалистической трактовки нравственности, присущей этике Канта, и обосновывая ее формирование в диалектике разума и чувства, Белинский писал: «Истинность прозябает и растет из сердца при плодотворном содействии светлых лучей разума. Ее мерило, — продолжает он, — не слова, а практическая деятельность» (VII, 392). Указывая на практику как на критерий нравственности, Белинский, несомненно, приближался к марксистскому решению вопроса.

Следы влияния методологии Канта (использование его терминологии) и одновременно ее совершенствование, связанное с введением в принцип историзма элементов диалектики, можно встретить у Белинского в решении некоторых конкретных вопросов русского литературного развития. Так, к примеру, исследуя истоки непреходящего значения поэзии Пушкина, Белинский писал: «Задача эта не может быть решена однажды навсегда на основании чистого разума: нет, решение ее должно быть результатом исторического движения общества» (VII, 101).

Белинский заметил роль Канта в развитии русской общественной и литературной мысли. Он не был точен, говоря о времени Державина, т. е. о русском XVIII в., что «существования... немца Канта тогда никто и не подозревал» (V, 529). «Письма русского путешественника» Карамзина, публиковавшиеся с 1791 по 1801 г., в которых описывается встреча автора с Кантом, были самому критику хорошо известны. Распространение идей Канта в России Белинский рассматривал в русле романтического движения, связанного с последствиями Отечественной войны 1812 г. и борьбы против обветшавшего классицизма, олицетворявшегося именами Баттё и Лагарпа. Но одновременно же не без основания, хотя и не без полемического заострения, высказанного необходимостью преодоления уже не оправдывавшей себя романтической критики, Белинский писал, не называя Н. И. Надеждина, особенно широко использовавшего немецких философов, персонально, но имея в виду именно его: «Перед тридцатыми годами и особенно с тридцатых годов русская критика заговорила другим тоном и другим языком. Ее притязания на философские воззрения сделались настойчивее; она начала цитовать, к стати и не к стати, не только Жан-Поля Рихтера, Шиллера, Канта и Шеллинга, но даже и Платона, заговорила об эстетических теориях и громко восстала на Пушкина и его школу» (VII, 304).

Будучи представителем исторически нового этапа в развитии домарксистской европейской философской мысли, Белинский органически впитал в себя передовые достижения предшествующей философской мысли и в первую очередь ближайшей к нему по времени и наиболее актуальной по проблематике немецкой классической философии. Все это сказывалось не только в предмете его исследования, но и в самой системе мышления, в его исследовательской методологии и даже в характере самой личности критика. В этой связи приведем здесь отзыв о Белинском одного из умнейших его современников Владимира Федоровича Одоевского: «Белинский, — писал он, — был, одною из высших философских организаций, какие я когда-либо встречал в жизни. В нем было сопряжение Канта, Шеллинга и Гегеля»⁷.

¹ См.: Степанов В. И. Философские и социологические воззрения В. Г. Белинского. Минск, 1959; Хайкин А. Л. Этика Белинского. Тамбов, 1961; Гуляев Н. А. В. Г. Белинский и зарубежная эстетика его времени. Казань, 1961.

² Сокращенные ссылки в тексте даются по изданию: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953—1959, т. 1—13, где в скобках римская цифра — том, арабская — страница.

³ Курсив здесь и везде далее — Белинского.

⁴ Список произведений Канта и работ о нем, опубликованных на русском языке в первой четверти XIX в., см. в кн.: Философия Канта и современность. М., 1974, с. 291—294.

⁵ См.: Станкевич Н. В. Переписка. 1830—1840. М., 1914, с. 317—644.

⁶ См.: Оксман Ю. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, с. 129—130.

⁷ Русский Архив. М., 1874. Кн. 1, с. 339.